

Наши публикации

Борис Горбатов

Семь звонков. На пороге Борис Горбатов. Я с ним познакомилась в летнем кафе журналистов — там иногда появлялись большие вкусные раки, и все любители туда сбегались полакомиться. За столом я разглядела Бориса: уже расплывшийся в двадцать девять лет, почему-то наголо бритый, наверное, из-за лысины, небольшого роста, плохо одет, да не просто плохо, а в кособоротке, в сапогах — это революционное одеяние интеллигенция уже давно перестала носить, близорукий, в очках, с грязными ногтями и руками, с запахом дешевых папирос и немытого тела, походка смешная, нелепая для мужчины, мелкими семенящими шажками, речь сбивчивая, скороговоркой, но лицо симпатичное, доброе, честное, глаза без очков хорошие. Он журналист газеты "Правда", недавно вернулся с зимовки в Арктике, когда-то написал какую-то книгу о комсомоле.

Борис в разводе, детей нет, живет по друзьям, возникает идея поехать в загородный Дом творчества писателей в Переделкино, куда он может достать путевки.

Приехала в Переделкино в солнечный день, захотелось хоть пятнадцать минут побродить по лесу. Борис попросил пойти со мной. В лесу он вдруг упал на колени и залепетал своей скороговоркой, чуть не плача:

— Сил больше нет... Я люблю вас, одну, навсегда. Я еще никогда никого не любил... Будьте моей женой... Я сделаю все...

Смотрю на него сверху, он такой жалкий в своих сапогах, в кепке, на колени, в луже...

— Я стану писателем, я достану комнату, буду зарабатывать. Все будет так, как вы захотите. Я знаю, что вы меня не любите. Я сделаю все, чтобы вы меня полюбили.

Я не могу, не смею сказать ему, что если бы и согласилась, то только из чувства благодарности.

— Дайте мне подумать до следующего приезда.

Я приехала через два дня. Борис так взволнован, что это видно всем, никого не слушает, не видит, отвечает невпопад, заглядывает в глаза, чтобы прочесть мое решение. А меня не отпускают, тянут в гостиную. Я поднялась к себе и тихонько постучала по батарее. Комната Бориса на первом этаже прямо под моей, и я стуком по батарее обычно вызываю его для работы. Через секунду Борис стоял в дверях, не дал сказать ни слова, бросился обнимать, целовать, хотел лечь в постель одетым, в сапогах, когда он их снял, в комнате стало душно, из запаха, а потом из его горла вырвался мат...

Как я не умерла за завтраком от невероятности произошедшего и от стыда. Все смотрели на меня по-другому, все всё знали, в нашем маленьком доме все всё знают друг о друге. Борис торжествен, вымыт, выбрит. Он сказал Маме, что мы поженились.

Константин Симонов

Семь звонков... На пороге молодой человек из Переделкино, начинающий поэт, зовут его, кажется, Костя. Неужели опять что-нибудь случилось?!

— Не волнуйтесь, мне нужно с вами поговорить...

Входим в комнату. Стоит. Молчит. Глупо улыбается. Взволнован. Неужели он посмел воспользоваться тем, что я одна...

— Вас прислал Борис? Вас зовут Костя?

Из всех в Переделкино он самый несимпатичный, грубый, резкий, сухой, неопрятный, как, впрочем, почти и все, руки даже за обедом грязные, лицо некрасивое, совсем без обаяния и как-то поджого, скрыто — не русское, взрослее своих двадцати с лишним лет, не выговаривает буквы "Л" и "Р", но не такой косноязычный, как Борис. О чем же вы хотите со мной говорить? Вы, конечно, сказали Борису, что едете ко мне?

— Да, сказал!

Нагло смотрит на меня, стоит, ноздри раздул.

— Ну, спасибо, а то без его разрешения я не знаю, как себя вести.

Он сделал шаг и попытался меня обнять. Я отстранилась, растерялась от его наглости.

— Вы, может быть, влюбились в меня?!

— Да.

— А теперь повернитесь и выйдите из комнаты!

Снова сделал шаг ко мне.

— Убирайтесь вон!

Борису я, конечно, не рассказала, но остальные, кроме Бориса, все поняли. Костя сидел за столом мрачный, злой, но не выйти к столу не решился.

Леонид Луков

К нам в село приехал из Киева Луков, он художественный руководитель "Майской ночи", я с ним познакомилась еще на съемках "Горячих денечков".

Натуру этого фильма мы снимали в Киеве и прожили там все лето. Луков влюбился в меня, ухаживать он не умеет и начал добиваться меня угодением, шумным восхищением, цветами, раками. Каждый день мне в гостиницу приносили мои любимые пармские фиалки. Все это открыто, при живой жене. Любопытная личность: способный, наглый, самоуверенный, свято верящий в свою безнаказанность, неумный, старше меня, еврей с русской фамилией, крупный, ожиревший, с животом и подбородком, полное отсутствие культуры, интеллигентности, простой воспитанности.

Татьяна ОКУНЕВСКАЯ

Мужчины в моей жизни

Ее взаимности добились знаменитые писатели и режиссеры, за ней охотился Берия, а маршал Тито хотел увести ее в Югославию. Но настоящая любовь пришла к ней за колючей проволокой сталинского лагеря. Когда было уже поздно.

Ко всем прелестям у Лукова оказался еще и отвратительный характер, наглый, выпыльчивый, грубый, и все это на съемках. Последняя сцена, которую учил Луков на съемке (фильм "Александр Пархоменко" — Ред.), возмутительна: съемка в павильоне ночная, в кадре я и Махно, Махно пытается взять меня за лицо, я отбрасываю его руку и говорю: "Я замужем, Нестор Иванович". Луков с начала съемки бешеный, в плохом настроении.

— Почему это "замужем", когда надо сказать "замужняя", не переделывайте текста.

— Я не переделываю, в тексте "замужем", дворянка, интеллигентная женщина не может сказать "замужняя", это язык горничной.

Луков заревел: — Дайте сценарий. Ему подали уже открытый на этом месте сценарий.

— Что вы мне все тут мозги морочите! Здесь опечатка! — Переры! Соедините меня с Всеволодом Ивановым!

Дозволили Иванову, и тот сонный, ошарашенный вопросом ответил: "Конечно, "замужем". Боялись, что с Луковым будет инсульт. Мы сыграли с Чирковым сцену, Луков только скомандовал "мотор" и "стоп". В гостиницу привезли, когда уже свело, только я сняла грим, вбежал Луков...

— Простите меня, простите, простите, я безумный, отвратительный сумасшедший, я знаю, я ничего не могу с собой сделать, я люблю вас, люблю, когда вас кто-нибудь берет под руку, я теряю сознание, я схожу с ума от ревности, когда на вас смотрят...

И действительно, и плачет, и целует ноги.

Как могло случиться, что я сошлась с Луковым? Невозможно, чтобы это был один и тот же человек, здесь у моих ног и час назад на съемке.

Лаврентий Берия

Я приглашена на кремлевский концерт, в который приглашаются только народные Союзов, и то избранные, любимые "ими", одни и те же, бьют эти концерты, как мне рассказывали, по ночам, после "их" совещаний, заседаний, в виде развлечения. Заехать за мной должен член правительства Берия. Берия опять нет, теперь все журналисты на Нюрнбергском процессе.

сознание этот же стол, теперь накрытый для завтрака, часы, на них десять часов утра, я уже должна сидеть на репетиции, пошла, вышла, села в стоящую у подъезда машину, приехала домой, попросила Ядю уйти к себе, не подыжать к телефону, кто бы ни звонил, ко мне никому не входить.

Изнасилована, случилось неправомерно, чувств нет, выхода нет, сутки веки не закрываются даже рукой.

...Подхожу к телефону, ударило, как током.

— У меня к вам дело, ха-ха, вы же умная, а трубочку бросили, нехорошо. Нужно только подойти к машине.

Выхожу из подъезда и через длинный двор вижу у ворот машину, сердце колотится, повернувшись и бежать, бежать куда глаза глядят...

Огромный парк. Двухэтажный почти дворец. Зимний сад. Полковник исчез. Горничная другая, в опущенных глазах презренье. За столом ни к чему не прикасаюсь. Он такой же, как в первый раз, пьет дорогие вина, жрет руками, хихикает, начал пьянеть, глаза налились салом, скоро начнется моя раздета, поставлена на стол... Соппротивление бессмысленно, невозможно, уничтожительно... Только бы сердце не разорвалось... Жаба, гнусная, безобразная, жирная, раздувающаяся... не отрывает от меня глаз, ползает по кроватке, задыхается от счастья завоевателя... зверь, поймавший жертву... он истаскан, иначе ночь для меня была бы смертельной... рассвета все нет... тогда в особняке в полузабытьи было легче...

Тогда я его не видела утром. И сейчас он ночью исчез, но он здесь, где-то рядом, жрет, пьет...

Он взял меня за подбородок... если ползет целовать, ударю, гадина, подлец, жаба безобразная! В упор смотрю в его маленькие наглые глазки — в моих столько ненависти, что он оттолкнул меня, взбесился!

— Что вам надо?! Я второй раз с вами, и это честь для вас, я за ваш поцелуй многое могу для вас сделать! А что, спать и целоваться с этим дураком Горбатовым, вонючим жидом, трусом, карьеристом, придем?! Ха-ха.

Только бы не разрыдаться. Только бы не упасть в обморок.

Маршал Тито

Как снег на голову прилет маршала Тито. Газеты полны его фотографиями, интервью, встречами со Сталиным. Жду приглашения на банкет в его честь и неожиданно получаю приглашение от югославского посла на их прием и не в официальной резиденции, а в ресторане все той же гостиницы "Метрополь".

Свет погас, все заискрилось, затрепетало от звуков музыки! "Я люблю тебя, Вена"... Через весь зал прямо ко мне идет Тито. Зал замер, перед ним расступаются, он обнял меня, и мы поплыли в вальсе, я в своем, цвета крови, панбархатном платье, он в мундире с золотом, пожираемые тысячько глаз. Я не могла себе представить, что маршал может так блистательно танцевать.

Никто больше танцевать не вышел.

— Ну наконец-то я держу вас в своих объятиях! Я думал, что никогда не дождусь вас, даже моя разведка не могла выяснить, где вы. Я нарочно устроил этот прием и волновался, свободны ли вы, завтра у вас "Сирано", я могу прийти на спектакль?

— Что вы! Что вы! У нас в театре нет правительственной ложи, они же театр разломают, чтобы все-таки вас принять, и это уже будет на уровне ЦК.

— Тогда разрешите, я приглашу театр с этим спектаклем к нам в Югославию... А теперь, прошу вас, продолжайте улыбаться и выслушайте меня, другой возможности поговорить с вами у меня нет... Вы мне не-преодолимо нужны, я ни жить, ни существовать без вас не могу, это уже давно, когда я увидел вас в войну в "Ночи над Белградом", это я приказал послу пригласить вас в Югославию... Я приглашаю вас на свою родину в Хорватию, мы построим для вас в Загребе, который вам так понравился, студию, вы будете сниматься в чем вы хотите, язык преодолете, а на первых порах вас будут озвучивать. Я все продумал.

Мы остановились, зажегся полный свет, и маршал под аплодисменты зала повел меня к Борису, сияющему от счастья. Мне стало стыдно, потому что Борис сорвался с места и лизоблюдски побежал своими маленькими шажками нам навстречу.

Маршал улетел, больше я его не видела.

Владо Попович

У него удивительные глаза, как почти у всех южных славян — Христовы! У него прекрасные руки, честные, добрые, как у Папы. Он черногорец, на год старше меня, воевал, ранен, генерал.

— Простите мне все — и без-стактность, и вмешательство в личные отношения с маршалом. Я потерял голову, я впервые люблю, люблю вас всем существом, безоглядно с первых кадров вашего фильма, я же сам прилетел в Белград к вашему гастролю, я не сумел даже придумать предлога, маршал был удивлен, прогнать меня... Дурман... наваждение... я тону в этих Христовых черногорских глазах... Роман! Как сумасшедшие! Может быть, это и есть любовь, которая снизошла на меня.

Какой он нежный, тонкий, любящий! У нас появился наш домик, это Владо его нашел! Он часами ждал меня, сам готовит для меня вкусное, строго охраняет нашу тайну. А я? Я считаю секунды встречи с ним, волнуясь, выдумываю всякие сюрпризы и ни о чем не думаю — ни о чем! Близкие меня не узнают, я вдохновенна, весела, счастлива!

А дни бегут, летят, несутся! Месяц... Второй... Возвращение Бориса неминуемо приближается. И если Владо никогда раньше не заговаривал о нашем будущем, то теперь этот вопрос на его губах, я бросаюсь к нему, закрываю рот поцелуями, шучу, но все равно этот крик рвется из сердца, присутствует тенью, омрачает наш праздник. И современно:

— Я жить без вас не смогу, что мне делать, я же не могу, не смею предложить вам жизнь со мной, я знаю, что вы из России не уедете, а что я здесь?! Ничего! Я же обреку вас и вашу семью на муки.

И плачем оба.

Скорее бы отозвали Владо! И пусть уезжает! И пусть женится! На своей уродливой черногорке! На своей, как они все женятся, партизанке! И пусть! И пусть!!! И пусть вообще умрет от любви ко мне!!!

Владо исчез. Он должен исчезнуть, другого выхода нет.

Николай Охлопков

Прихожу после репетиции домой, а дома пир горой: Охлопков, двое военных, Борис, Луков, стол завален едой, вино — рекой, лица у всех пьяные, воротники расстегнуты, полезли целовать, обнимать, дышать в лицо перегаром, не разговаривают, а кричат, не смеются, а гогочут, наваливают мне на тарелку что попало, льют мимо рюмок, а самое противное — бессмысленные уговоры выпить, спеть, почитать стихи!

Охлопков вышел в гостиницу, здесь, в столовой, пытаются что-то петь. Взволнованная, выхожу в гостиницу, Охлопков стоит лицом к окну и вдруг, резко повернувшись, грубо обнимает меня, хочет поцеловать, у меня отнялся язык, я не могу вытолкнуть ни слова, не могу шевельнуться, с божалом в руке появился Борис.

— Ничего, Николай Павлович... ты этого... ничего... я и не такое видел... ты ничего...

Я дала Борису пощечину, он покачнувшись, выронил бокал. Гнусность! Гнусность! Ни-

когда, нигде он такое не видел!

А мой учитель Охлопков? Никогда, ни секунды он не проявлял ко мне интереса как к женщине! Что же, напившись до такого скотского состояния, можно все?! Всем! Если бы я так смогла напиться, что же, я тоже полезла бы целоваться к кому угодно или сказать слова Бориса! Не хочу, не хочу знать, что люди могут быть такими.

К утру решилась. Уехали военные, Луков и Охлопков ночевали, еле проснулись, опохмелялись, уехали. Борис, как побитая собака, что-то лепечет, видимо, ничего не помнит, он стал часто напиваться и, напившись, приходит тихонько без звонка, открывает дверь своим ключом и вваливается в кабинет, благо кабинет рядом с входной дверью.

Лагерь. Алеша

Кто-то откуда-то смотрит на меня. Иду и встречаюсь с удивительным сияющим взглядом, пронзившим меня: в кулисе, напротив, стоит незнакомый человек. Его в бригаде не было. Кто он? Новый аккордеонист? Не могу отвести глаз.

Алексей высок, строен, не худ по-лагерному, лицо интеллигентное, аккуратен, светлоглазый русак, не профессионал, его в детстве, обучали музыке, он инженер-химик, и в его игре есть та грань умения с примесью прекрасного дилетантизма, которая во мне всегда вызывает восторг.

Не понимаю, что делаю, что говорю, бледнею, краснею, как девочка, ночью считаю часы, оставшиеся до репетиции, чтобы увидеть его, быть рядом, смотреть в глаза...

Господи, помоги мне! Роман здесь, в лагере, для меня невозможен! Невозможен! Невозможен!!! Я перегрызу себе вены. И я заговорила:

— Я хочу, чтобы вы знали, что наша любовь здесь, в лагере, невозможна, это значит потерять ее, исковеркать, похоронить, потерять все человеческое, скрываться, унижаться где-то, как-то тайно встречаться, а если вы просто возьмете меня за руку, нас тут же разлучат!.. Я люблю вас, жизнь без вас невозможна, не нужна. Я для вас готова на все, кроме того, чтобы превратить нашу любовь в простой, отвратительный лагерь роман... — Голос сорвался.

— Любимая, прекрасная, единственная, я совсем сошел с ума, я не знаю, что делать... все будет, как вы скажете... хотите, я сделаю так, чтобы меня списали на лесоповал... сколько бы ни прошло лет... полуживой, я буду вас ждать... но теперь невероятно прожить без вас один день! Час! Минуту!

— И я буду вас ждать до конца своей жизни!

Господи! Сделай так, чтобы вырваться из-за проволоки и победить друг друга навстречу! Сделай что-нибудь! Сделай так, чтобы умер Сталин!

Алеша освобождается летом 54-го... куда он ко мне придет... где я буду... мне уже будет тридцать девять с половиной... а вдруг меня закроют в тюрьму... не могу об этом думать... а если Алеша не выдержит четырехлетнего ожидания...

Освобождение

Утро солнечное! Пока еще ни понять, ни ощутить не могу, что я не в камере, а в квартире.

Все так странно в незнакомой квартире, пусто, смешно, но я Маугли: я боюсь телефона, газа, ключей от квартиры, как, оказывается, легко от всего этого отвыкнуть.

Нет! Нет! Алеша не может предать, обмануть, бросить!

На расвете междугородный звонок, подбегаю... голос такой родной... далекий... Софуля... совсем плохо слышно.

— Поздравляю с освобождением.

— И вы тоже. Вы давно освободились?

— Алло! Алло! Месяц.

— Почему от вас и от Алеши ничего нет? Ни слова? Где Алеша?.. Алло! Алло! Бросил меня?

— Нет.

— Что же?

— Алеша умер.

Он умер с вашим именем.

Примечания:

Отрывки из книги кинозвезды 30 — 40-х годов Татьяны Окуневской "Татьянин день", только что вышедшей в изд-ве "Вагриус". Заголовки и примечания — редакции "ВК".

Борис Горбатов (1908 — 1954) — писатель, автор книг "Мое поколение" (1933), "Обыкновенная Арктика" (1940), "Непокоренные" (1943), "Донбасс" (1951), Сталинская премия — 1946, 1952.

Константин Симонов (1915 — 1979) — известный советский поэт, Герой Соц. Труда. Сталинская премия — 1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950, Ленинская премия — 1974.

Леонид Луков (1909 — 1963) — кинорежиссер, народный артист РСФСР, фильмы "Большая жизнь" (1940), "Александр Пархоменко" (1942), "Два бойца" (1943) и др. Сталинская премия — 1941, 1952.

Лаврентий Берия (1899 — 1953) — в 1938 — 45 нарком, в 1953 мин. внутр. дел. СССР, член Политбюро ЦК, Маршал Сов. Союза.

Иосип Броз Тито (1892 — 1980) — маршал, председатель правительства, президент Югославии.

Владо Попович — посол Югославии в СССР в послевоенные годы.

Николай Охлопков (1900 — 1967) — режиссер и актер, народный артист СССР, главный режиссер Реалистического театра (1930 — 1937) и Московского театра им. Маяковского (1943 — 1966). Сталинская премия: 1941, 1947, 1949 — дважды, 1951 — дважды.